

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-199-229>
<https://elibrary.ru/EEFQFE>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой

© 2022, М.В. Орлова

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Москва, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена выдающемуся русскому поэту конца XIX – начала XX в. В.Я. Брюсову как учителю, повлиявшему на многих его современников. Упоминается об учениках «Брюсовского института», коротко рассказывается об отношениях к Брюсову-учителю критика Корнея Чуковского, писателя Алексея Ремизова, поэта Николая Гумилева. Большую часть статьи занимает исследование проблемы взаимоотношений Брюсова с учениками. Среди них названы его жена И.М. Брюсова и писательница Н.И. Петровская. Рассматривается также влияние Брюсова-поэта на молодую поэтессу Надежду Львову и высказывается мнение о недавно вышедшей книге Т.С. Карпачевой о Львовой. В приложении «In dubio pro geo», подготовленном юристом В.К. Чакиевым (Москва), доказывається несостоятельность предъявленных Брюсову автором новой книги о Львовой юридических обвинений в деле о самоубийстве поэтессы.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, И.М. Брюсова, Н.И. Петровская, Н.Г. Львова, Поль Верлен, русская литература начала XX в., французская литература конца XIX в., эпистолярный.

Информация об авторе: Моника Викторовна Орлова — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Музей Серебряного века (Дом В.Я. Брюсова), Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля (Государственный литературный музей), пр. Мира, д. 30, 129090 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-8181>

E-mail: dombrusova@yandex.ru

Для цитирования: Орлова М.В. Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 199–229. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-199-229>

Сильнейшее влияние Брюсова на своих литературных современников признавали все, кто попадал в его орбиту на протяжении жизни поэта: от единомышленников, составлявших малочисленный круг «московских декадентов» в начале 1890-х гг., затем десятерых поэтов — участников сборника «Круговая чаша» (М.: Весна, 1913), до студентов Высшего литературно-художественного института, основанного в 1921 г. Закрытый в 1925 г. и открытый заново в 1933 по другой программе и в другой действительности, институт, носящий имя А.М. Горького, по сей день остается уникальным учебным заведением, подобного которому нет в мире. Очевидно, что абитуриенты, принятые в институт при жизни Брюсова, по определению становились его учениками.

Мемуары бывших студентов о ректоре ВЛХИ¹ опубликованы в сборниках «Брюсовских чтений», начиная с первого тома ереванской «брюсовианы»: З.И. Ясинская со статьей «Мой учитель, мой ректор» выступила в первом сборнике «Брюсовских чтений-1962», Б.И. Пуришев и А.А. Ильинский — в следующем (1963). Александр Корчагин, заместитель ректора ВЛХИ, вспоминал как представитель студентов 1922–1924 гг. на Брюсовских чтениях 1971 г.: «Когда Брюсов умер, мы с глубокой грустью, перефразируя известные строки Пушкина, говорили: Валерий Брюсов нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» [9, с. 622].

Книга воспоминаний «В Брюсовском институте» (1998) принадлежит его выпускнице Александре Смирновой-Козловой. Известные в советское время литературоведы, авторы вузовских учебников Леонид Иванович Тимофеев, окончивший ВЛХИ, и Геннадий Николаевич Поспелов, сдававший Брюсову зачет по курсу стиховедения, который поэт вел в Московском университете, запомнили поэта по-разному. Тимофеев рассказал В.Д. Дувакину не только о методике и особенностях преподавания предметов, но и об участии Брюсова в жизни студентов, даже о его прыжках с балкона вместе с ними: «Это черта его характера — быть, так сказать, во главе — проявилась даже и тут» [18, с. 19]. Поспелов, отлично сдавший курс стиховедения, напротив, ощутил холод и гордую недоступность Брюсова, запомнил его «изумительное лицо с миндалевидными <...> и какими-то особенными по своему выражению глазами» [18, с. 71].

¹ Московский Высший литературно-художественный институт 20-х гг., называвшийся «Брюсовским», передал это разговорное название в современный Ереван: «Брюсовским» называют свой вуз выпускники и студенты Ереванского государственного университета имени В.Я. Брюсова, с памятником поэту перед входом.

Влияние Брюсова испытывал молодой Корней Чуковский, приглашенный поэтом в журнал «Весы». Чуковский признавался в письме к Брюсову от 11 февраля 1910 г.: «По Вашим критическим статьям (Вы, конечно, это заметили) я учился писать. Я Ваш питомец и вскормленник»². 11 декабря 1923 г., поздравляя Брюсова с 50-летием, свой текст к юбилею Чуковский записал и в дневник: «Дорогой, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич. Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах» [19, с. 305].

Для начинающегося писателя Алексея Ремизова Брюсов стал, по определению А.В. Лаврова, «своего рода путеводной звездой в хитросплетениях литературной жизни: письма Ремизова к нему из Вологды, Херсона, Киева пестрят расспросами, просьбами о содействии или совете, более всего, они, естественно, полны забот о напечатании ремизовских произведений или переводов» [10, с. 115]. Исследователь считает, что вступление в литературу Ремизова «происходило при самом непосредственном содействии Брюсова» [10, с. 109].

По опубликованным письмам Брюсова и Николая Гумилева можно проследить, что Гумилев сознательно выбрал Брюсова своим учителем, подчеркивая в переписке этот аспект отношений³. В посланиях к учителю он последователен, логичен (не случайно среди невысоких отметок по окончании Николаевской гимназии единственная пятерка — именно по логике). В письмах начинающего поэта чувствовалась сильная воля, была уверенность в своих силах и в поэтическом призвании. Это — безусловные признаки настоящего таланта. Гумилев, начавший эпистолярный диалог с Брюсовым, в свои двадцать с небольшим писал учителю уважительно-деловито и с долей юмора по отношению к себе. Например, в сентябрьском письме из Парижа 1907 г. читаем: «Дорогой Валерий Яковлевич! С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых. Если Вы захотели бы сохранить что-нибудь для “Весов” или “Столичного утра”, то напишите мне об этом, потому что огонь моей предприимчивости еще не погас, и я собираюсь писать все в новые и новые журналы» [14, кн. 2, с. 442]. Гумилев не создавал из Брюсова своего кумира и затем не

² Цит. по: [16, с. 134].

³ См. переписку В.Я. Брюсова и Н.С. Гумилева: [14, кн. 2, с. 400–514].

низвергал его с пьедестала, в отличие от Эллиса, Бориса Садовского и отчасти Сергея Соловьева. Несмотря на жесткую критику учителя в статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Русская мысль. 1913. № 4), Гумилев, возможно, — лучший ученик Брюсова: он смог взять от учителя то, что считал важным, и двигаться дальше самостоятельно.

«Ученицы», испытывая влияние на них Брюсова, сознательно и бессознательно отстраняли литературу, искусство, творчество, составлявшие смысл жизни поэта, на второй план, первый всецело занимал образ Брюсова, из-за чего «учитель» временно или навсегда охладевал, терял интерес к любящим его женщинам. Отсюда — драмы и трагедии жизней учениц⁴.

В марте 1905 г. поэт писал одной из своей конфиденток, свояченице, сестре жены, Марии Рунт по поводу ситуации в семье из-за «смерча» с Ниной Петровской: «Я прихожу поздно домой, — она (И.М. Брюсова. — *М.О.*) что-то подозревает, рыдает, происходят мучительнейшие сцены, о которых не хочется рассказывать. Ее ошибка — что она всю свою жизнь положила в меня, и когда я ухожу — у нее не остается жизни. Ей надо создать свою жизнь, личную, собственную. Ибо жить только для нее я не могу. <...> Я очень хочу жить с ней еще много, много лет, — до конца дней. Мне было бы очень плохо без нее. Я очень рад, что моя жена — она, а не кто другой»⁵. Во время июньского 1905 г. «медового месяца» Брюсова и Петровской на озере Сайма в Финляндии Иоанна Матвеевна переживала тяжелые дни, несмотря на все уверения супруга в том, что он путешествует один, — это была ложь, необходимая поэту в письмах для сохранения семьи.

С позиции не только спутницы жизни, но и ученицы, Иоанна Матвеевна отвечала мужу между 4 и 7 июня на его письмо, которое, возможно, не сохранилось:

А со мной разве нельзя было жить хорошо. Я тебя слушаться готова во всем. Разве я не хочу быть твоим учеником.

Великий учитель, ты учишь каждым своим движением, жестом, тебе не нужно на это тратить сил.

⁴ Темы взаимоотношений Брюсова с каждой из учениц заслуживают отдельных исследований, и за рамками статьи остаются, например, имена Елены Сырейщиковой и Аделины Адалис.

⁵ Цит. по: [11, с. 157].

Что делать ученикам, когда учитель безумствует. Что делать ученикам, когда учитель отвернулся от них, когда учитель больше ничего не требует от них, когда учитель возненавидел их.

Валя, учитель мой, [ты] великий, [ты] мудрый, скажи как случилось, что ты возненавидел меня?

Ты когда-то взял мою душу показал мне мою душу, научил [любить] видеть мою душу. Ты научил любить тебя. Теперь ты отвернулся от меня. Вот я смотрю на тебя, на твой портрет. Вот твои правдивые глаза, твои губы, ты весь, весь. Ты светлый, радостный.

Кто смел бы тебе не верить. Как можно тебя не любить. Ты был моей гордостью, когда приближал меня к себе. Я всегда была твоей рабой. Надо мной смеялись. Я не боялась. Пусть смеется весь мир, когда ты со мной.

Ты прежде застилал меня узорами. Разве все узоры красивы? Разве каждое пятно — узор? Небо в сущности должно быть чистое, без узоров — облак <так! >, туч. Всегда ждут, когда тучи пройдут.

Ты никогда не был злым. Как мог ты допустить, чтобы я стала злой и безобразно грубой.

Ты никогда не лгал. Это я не хотела слушать правду. Это я боялась твоей правды. Да, моя слабая душа боится правды. Ты уступал моей слабости, ты скрывал правду⁶.

Возможно, в этом горестном бессвязном признании — поиски своей самостоятельности, собственного дела на восьмом году совместной жизни, в период семейного кризиса, близившегося к разрыву отношений, инициированному Иоанной Матвеевной.

Брюсов, несмотря на общение с Петровской, в письмах к жене повторял о своем желании работать и жить вместе с ней, к такому заключению он пришел к концу месяца, проведенного с Петровской в Лифляндии: «Понял, что без Тебя мне нельзя быть. Люблю Тебя здесь более чем когда либо, совсем, до конца. Люблю Тебя!»⁷. Действительно, несмотря на смерчи разной интенсивности, переживаемые Брюсовым в течение 27 лет семейной жизни, он неизменно возвращался домой. Затем, после смерти поэта, 41 год — без него — вдова продолжила литературную работу, публикуя и сохраняя его наследие, принимая визиты зарубежных исследователей и писателей, ведя переписку на иностранных языках, которые она изучала, будучи лингвистически одаренной.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 11. Л. 30–31 об.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 69. Ед. хр. 5. Л. 35.

Опубликованная Н.А. Богомоловым и А.В. Лавровым переписка Брюсова с Ниной Петровской составляет объемный том. Послания Петровской, не лишённые оригинальных зарисовок и художественных наблюдений, иногда написаны под влиянием морфия, и поэт советовал возлюбленной лечиться. Например, в многостраничном письме осенью 1911 г. она просит прощения у Брюсова за «нелитературность» своего душевного порыва:

С морфием я гибну, я почти уже погибла, и скоро я должна или застрелиться, если не переживу отвращения к себе, или жить, дышать, но порвать все с миром. <...> Зачем лечиться? Чтобы встать перед той же стеной? Чтобы, отодвинув морфий, сказать: он меня не любит так же, как любил два года назад?! И для забвения взять новое: кокаин? <...> И не будем больше говорить... Теперь же, пока у тебя игра с девочкой⁸, мне слишком тяжело быть с тобой. <...> Это хуже, чем знать о твоей жене. <...> Слишком много — две. <...> Не ходи ко мне, пока ты с девочкой, хотя бы это длилось год. Слишком страшно мне видеть тебя в это время [3, с. 693–696].

Биографию Петровской изучают и западные исследователи. Из заглавия книги Лилианы Керн [20] понятен авторский угол зрения: «Femme fatale» русского модернизма. Рассеянные по периодическим изданиям рассказы, очерки и критическая проза возлюбленной Брюсова собраны в толстую, около тысячи страниц, книгу [17], которая самим фактом существования в современном литературоведении показывает, что Петровская была не только музой Брюсова, *femme fatale*, пристрастившей его к наркотикам, но и, по устному замечанию составителя книги Марии Михайловой, неким *Скабичевским*, только писательницей следующего поколения, стремившейся к «созданию собственной художественной вселенной», как резюмировано в книге [17, с. 28]. Например, в рассказе «Белый дом с колоннами», опубликованном в Берлине в 1923 г., речь идет об обитателях психиатрической лечебницы. Сумасшествие пациентов и напряженность жизни тех, кто ежедневно находится рядом с живущими и умирающими, передаются Петровской на уровне стиля в потоке сознания как смена образов, как будто «наскикающих», «натякающих» один на другой, перебивающих друг друга, в том числе грамматически, но спаянных, упорядоченных в заданной последовательности волей

⁸ В жизни Брюсова в это время появилась поэтесса Н.Г. Львова (1891–1913). Осенью 1911 г. Петровскую убедили лечиться и проводили для этого за границу, откуда она не возвращалась.

автора, который спокойно ведет напряженный сюжет благодаря тонкому и разумному пониманию обстоятельств судьбы каждого героя и незаурядному чувству юмора, единственному здесь средству, способному преодолеть абсурдность бытия.

Анализируя прозу Петровской с краткостью, возможной в рамках вступительной статьи к собранию произведений автора, М.В. Михайлова приходит к выводу, что писательница в зрелом возрасте почувствовала независимость от прежних учителей (очевидно, что Брюсов — в их числе), выбрав новых, впитав «уроки орнаментальной прозы двадцатых годов», но этим исканиям, увы, не было суждено развиваться [17, с. 30]. Достоинствами книги являются подробные комментарии, воссоздающие культурно-исторический контекст эпохи, а также справочный аппарат: именной указатель и алфавитный указатель рецензируемых Петровской книг. Издание выпущено под общей редакцией поэта М.А. Амелина. Таким образом, не только исследователь Серебряного века, но и читатель, интересующийся эпохой, составит представление и о судьбе прототипа образа Ренаты в романе «Огненный ангел», и о влиянии поэта на ее творчество, и о главном — Нине Ивановне Петровской как о писательнице.

Иное дело — книга о другой возлюбленной и ученице Брюсова, раньше Петровской добровольно ушедшей из жизни, Надежде Львовой. Поэтессе посвящено недавно вышедшее в свет издание, которое может упоминаться в дальнейших исследованиях по культуре Серебряного века в связи с достоинствами издательства «Водолей», зарекомендовавшего себя одним из лучших, выпускающих в свет качественные книги. На первый взгляд книга московской исследовательницы Т.С. Карпачевой «“Мой недопетый гимн весне...”: жизнь и творчество Надежды Львовой» [7] оставляет хорошее впечатление. Ученые давно ждали выхода научной публикации писем Н.Г. Львовой и других архивных материалов, хранящихся не только в НИОР РГБ, но и в архиве г. Подольска, не введенных в исследовательский оборот. Однако при чтении книги не покидает ощущение торопливости, с которой ее автор Т.С. Карпачева готовила издание: книга не редактировалась, отсутствует именной указатель и какой-либо справочный аппарат, письма Львовой к Брюсову и републикуемое второе — посмертное — издание книги «Старая сказка»⁹, почти не

⁹ Стоит заметить, что тексты обеих книг Н.Г. Львовой (М., 1913 и М., 1914) без труда можно найти в Интернете. Например, первое издание: URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003805593/ (дата обращения: 29.10.2021). Второе издание: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Львова_-_Старая_сказка,_1914.djvu (дата обращения: 29.10.2021). Или: URL: https://librebook.me/staraiia_skazka_stihotvoreniia/voll1/7 (дата обращения: 29.10.2021).

комментируются¹⁰, а если единичные комментарии все-таки попадают, то их содержание вызывает серьезное недоумение. Например, письмо второе, по нумерации в книге, комментируется так: «Это единственное письмо Львовой Брюсову, которое написано по старой орфографии» [7, с. 300]. Удивительно, по какой другой орфографии могла писать поэтесса, если новая была принята спустя несколько лет после ухода Львовой из жизни?

Большую часть книги занимает монографическое описание жизни и творчества поэтессы, в которое цитаты из писем, публикуемых в этом же издании, включены для иллюстрирования суждений Т.С. Карпачевой. Классик русской литературы Валерий Брюсов, переводчик, именуемый великим бельгийцем Эмилем Верхарном «*Mon cher poète et ami*»¹¹, на страницах монографии упоминается как «опытный» и «знаменитый» «ловелас», который «перекраивал» Львову «на собственный лад», «ветренный любовник», «мнящий себя гением морфинист и развратник». Автором проводятся своеобразные литературные параллели: «Брюсов выглядит сродни герою Достоевского Свидригайлову», наконец, в итоге поэт назван «Сальери» и почему-то «“Раскольниковым” Серебряного века» [7, с. 76, 77, 84, 94, 105, 177, 227, 275]. Думается, что несправедливое суждение Акима Волинского о стиле «статей Антона Крайнего с его придириччивым тоном и повадками бабьих пересудов»¹² могло бы относиться не столько к характеристике, данной в свое время Флексером яркой критике З.Н. Гиппиус, сколько к стилю Карпачевой. Создается впечатление, что автор монографии не только мало знает, но и, возможно, особенно ничего не желает знать о творчестве выдающегося русского поэта, и это опасно как тенденция, учитывая то, что книга «Мой недопетый гимн...» написана вузовским преподавателем. В монографии досталось не только Брюсову, но и «брюсоведам», о которых в целом сказано, что они «всячески стремятся обелить»

¹⁰ Например, публикуя в виде некачественной иллюстрации [7, с. 291] ценный архивный документ, единственное сохранившееся послание Брюсова — открытку из Брюсселя, посланную Львовой 12 августа 1913 г. накануне визита с женой к Э. Верхарну и М. Верхарн (13 августа), автор не переводит короткий текст с французского: «12 août 1913 Encore un jour avant le départ pour Moscou V.V.» (12 августа 1913 Еще один день перед отъездом в Москву. — *фр.*) на этой странице, а помещает перевод, теряющийся в тексте монографии [7, с. 139], и не упоминает о событиях, связанных с интереснейшей, третьей по счету встречей двух классиков в Бельгии. Далее о приезде Верхарна в Россию и в Москву рассказано пунктирно, со ссылкой на небольшое количество источников [7, с. 209], без упоминания, в том числе, страниц тома «Литературного наследства» [13, с. 619–620].

¹¹ Мой дорогой поэт и друг. — *фр.*

¹² Цит. по: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. № 12. С. 227.

своего «кумира» «из благоговения перед памятью “мэтра”». Но при этом блогеры и некто в Интернете, определяемые Карпачевой как «глас народа», укоряют поэта и даже «безапелляционно» обвиняют Брюсова в гибели поэтессы [7, с. 10, 238].

Между тем, часто цитируемый в книге В.Э. Молодяков — автор многих статей и книг, посвященных не только Брюсову, но и другим заметным фигурам в истории, от Иоахима фон Риббентропа до Шарля Морраса, — не нуждается в представлении читателю. Не приходится рассказывать и о заслугах А.В. Лаврова (см.: [8, с. 8]). Вряд ли они, как и некоторые другие исследователи, цитируемые Т.С. Карпачевой, думали о сотворении и «обелении» «кумира», когда писали о Брюсове.

Мемуарные источники, на которые автор монографии опирается главным образом, — воспоминания З.Н. Гиппиус и В.Ф. Ходасевича¹³, известных в период эмиграции пристрастным отношением к поэту. Тем не менее, Гиппиус запомнила и описала, как в Петербурге увидела Брюсова, приехавшего сразу после гибели Львовой и почти ни с кем не видевшегося в эти дни, за исключением Верхарна. Об этом Карпачева все-таки кратко упоминает [7, с. 210–211]. В литературном портрете «Одержимый» Брюсов в ноябрьские дни — «человек в последнем отчаянии», «пронзенный своей виной, смертью этой девушки», хотя писательница в 1923 г. по ряду причин не договаривала о «человеческом», «страдающем» Брюсове [5, с. 64–65].

В свою очередь Ходасевич в очерке о поэте, обвиняя его в преступлении, сообщает о револьвере, из которого застрелилась Львова, как о «том самом браунинге», из которого Петровская «стреляла в Андрея Белого»¹⁴. Внимательный юрист только по этой путанице с типом оружия станет сомневаться в справедливости показаний для обвинения поэта. Т.С. Карпачева не сомневается и, более того, присоединяясь к упомянутому ею «гласу народа» из сетей Интернета, называет Брюсова виновником гибели поэтессы:

¹³ В 1925 г. Ходасевича в своей заметке охарактеризовал Максим Горький: «Странный человек. Умен, но в нем есть жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изощрился в этом <...>».

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и противен, но очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков “цветов зла” ум его ленив. В оценке людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством» [12, с. 567].

¹⁴ Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Сов. писатель, 1991. С. 288.

Говоря здесь о категории вины, мы имеем в виду понятие юридическое, а не только вину нравственную. Предоставление средств для совершения самоубийства было на момент гибели Львовой уголовно-наказуемым деянием. Самоубийство поэтессы в настоящей монографии будет рассмотрено, в том числе, на основе исследований в области суицидологии, а также будет дан правовой анализ ее самоубийства — такое явление в современной юридической науке принято называть криминальным суицидом [7, с. 8].

Мнение современного юриста В.К. Чакилева, опровергающего данное заявление Т.С. Карпачевой, помещено в Приложении к нашей статье.

Подытоживая монографический раздел книги, автор заключает: «несмотря на постоянное личное и творческое взаимодействие с Брюсовым, влияние его на поэтессу оказалось минимальным» [7, с. 275], хотя до этого оговаривается и, цитируя Ходасевича о стихах Львовой, которые были «очень зелены, очень под влиянием Брюсова», подтверждает правоту такого суждения [7, с. 111]. Называя Львову «огромной потерей для нашей литературы», Карпачева утверждает, что «даже то, что ею оставлено, безусловно, имеет культурно-историческое значение», и надеется, что «ее стихи еще не раз станут предметом литературоведческих исследований» [7, с. 275–276]. Возможно, но пока в книге Ю.Б. Орлицкого «Стих и проза в культуре Серебряного века» (2018), в которой на 904 страницах исследовано многое и многие, имя Львовой не упомянуто ни разу. Очевидна несамостоятельность, да и неуверенность самой поэтессы в своем таланте.

По письмам Львовой к Брюсову, оставшимся после смерти поэтессы и сохранным И.М. Брюсовой, можно наблюдать, как складывались ее отношения с «учителем», чему он ее учил и как влиял на ее творчество. 113 писем Львовой хранятся в фонде Брюсова в РГБ (Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 3–8)¹⁵. К ним присоединены стихотворения Н. Львовой, некоторые — с пометами Брюсова. Чтобы подробно рассмотреть тему «учитель — ученица», необходимо отдельное исследование, в рамках статьи можно рассказать только об отдельных, связанных с этой темой сюжетах.

Письма в основном не датированы, что затрудняет восстановление хронологии событий, последовательность которых реконструировать можно лишь вероятностно. Корреспонденции отправлены на

¹⁵ В связи с ненадежностью подготовки книги Т.С. Карпачевой письма цитируются по архивным подлинникам.

адрес квартиры Брюсова на ул. Первой Мещанской, 32, в редакцию «Русской мысли», в дом Вострякова на Большой Дмитровке, 15 а, где Брюсов был директором Московского литературно-художественного кружка. Весной 1911 г. Н. Львова посетила редакция «Русской мысли». Она приезжала в Москву из родного Подольска, посещала собрания Литературно-художественного кружка и «Общества свободной эстетики». Брюсов передавал ей книги и свои стихи для прочтения. Советовал переводить сначала Поля Верлена, затем — Жюлья Лафорга, умершего молодым.

Обращения в письмах Львовой: «Милостивый Государь», «Многоуважаемый Валерий Яковлевич», «*Cher maître*», «Дорогой Валерий Яковлевич». После сближения с Брюсовым летом 1912 г. письма, как правило, не содержат обращений, но употребляется форма «Вы», затем — «ты», «Милая моя фарфоровая кукла», «Милая, милая глупая кукла, мой умный большой большой поэт!». Наконец, в предсмертном письме: «Милый Валечка».

В первом письме, отправленном, очевидно, весной 1911 г., Львова просила: «Я не хочу обивать пороги редакций — мне кажется, это не имеет смысла, — я только хочу услышать подтверждение или отрицание моего поэтического дарования и услышать именно от Вас. Если его нет, — я найду достаточно силы, чтобы, опираясь на Ваше мнение, отказаться от того, что в данный момент представляется мне наиболее ценным»¹⁶.

С самого начала между Львовой и Брюсовым возник ученически-учительский тип отношений. Например, в одном из писем: «*Cher maître!* <...> Думаю, что окажусь не слишком плохой ученицей, и, как первый залог этого, — посылаю несколько стихотворений. <...> Видите, какая я послушная: даже о Южном Кресте написала! И даже два стихотворения!»¹⁷. Что же касается сферы личного, то Брюсову летом 1911 г. было необходимо иногда отдыхать в компании Львовой и ее молодых друзей: отношения с женой из-за поездки с Петровской за границу в июле 1911 г. накалились до предела, сама писательница была серьезно больна, ей требовалось лечение от наркотической зависимости. Спустя непродолжительное время любящая супруга Брюсова поняла, что ее муж нуждался в помощи, которую могла оказать только мудрая, терпеливая женщина: он, как и Петровская, уже не мог обходиться без морфия. Новое свежее чувство к молодой, здоровой и душевно сильной, на первый взгляд, девушке на время могло отвлекать поэта от зависимости.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 3. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 14–17.

В одном из приложенных к письму стихотворений Львовой с карандашными пометами Брюсова — подчеркиваниями и словом «сонет», — у нее возникает определение своего зародившегося чувства как «желанного креста» любви¹⁸. Подводя итоги 1911 г., она посылает «<...> последние стихи 1911, очень плохие», однако поступает так потому, что хочет показать поэту все свои опыты: «<...> пусть у Вас будет “полное собрание” моих сочинений за прошлый год»¹⁹. Немного позже, отправляя сонет, объясняет: «Посылаю Вам его с рифмами: они слишком легки. Можете раскритиковать его построже, но только в этом году: я не хочу в Новом году получать за свои стихи двоек»²⁰. Поэтесса пишет, по ее словам, «для практики», разные сонеты, которые отправляет учителю. Далее: «Посылаю Вам еще несколько стихотворений (видите, какая я стала прилежная!), только Вы отнеситесь к ним не слишком строго и постарайтесь увидеть в них только (подчеркнуто Н. Львовой. — М.О.) последние “песни” о чем-то старом <...>»²¹. Таким образом рождается название будущей книги «Старая сказка».

Львова пробует работать над разными стихотворными формами. Например, пишет газеллу, отправляя ее учителю с комментарием: «Видите, какая я прилежная!»²². Позже в ее книгу войдут также секстины и рондо. Она переводит, посылает и отдает Брюсову свои работы, рассказывает в письмах о чтении Гюго и Мюссе и расстраивается, что с переводами выходит плохо. Сообщает, что написала две рецензии — о Гиппиус и о Достоевском, попробует написать рецензию на биографию Грибоедова²³.

С июля по сентябрь 1912 г. в переписке она продолжает вести себя как ученица, пишущая сочинения и делающая переводы по заданию учителя: «Я очень люблю писать на заданные Вами темы»²⁴. «Думаю, что смогу послать Вам перевод завтра, т. е. Вы получите его во вторник. Гиля отошлю в конце недели»²⁵.

Затем настроение меняется, Львова грустит, жалуется на то, что «последнее время ничего не пишется». Зовет Брюсова приехать,

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 18–19.

²⁰ Там же. Л. 24–24 об.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 4. Л. 10–10 об.

²² Там же. Л. 33.

²³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 4. Л. 51–53.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 5. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Л. 14–15.

просит прислать стихи, укоряет за то, что он не приезжает²⁶. Письма наполнены личными объяснениями, сохранились телеграммы с просьбой о приезде, с сообщением о том, что приезжает сама. Литература в переписке отодвинута ею на второй план, потом — на последний, затем окончательно исчезнет во время обдумывания ухода из жизни. Девушка молит о встрече — где угодно, в Москве, в Подольске... В этот период для нее существуют только два выхода: быть вместе с Брюсовым «или совсем не быть»²⁷. В письме от 23 сентября 1912 г. появляется фраза: «А без тебя жить не буду. Ты можешь не верить — это ведь ничего не изменит»²⁸. Ее состояние очень тяжелое: «Я никого не вижу, я нигде не бываю, я не живу эти дни»²⁹. Она жалуется на усталость и просит поэта прийти к ней.

Тем не менее, поэтесса учится и много работает. Возможно, Брюсов пытается переключить девушку на активную деятельность в литературе, как это уже было в случае с Петровской, что отчасти у него выходит и со Львовой. Позже она не без кокетства сообщает, что расскажет о «вечере молодых поэтов», который она устроила с Ходасевичем: «(Он мне очень нравится, между прочим)»; «Ты не подозревал во мне “устроительские” способности?»³⁰. В ее письмах сохранился лист, вырванный из журнала «Русская мысль». Сверху — помета рукой Брюсова, чернилами: «1912 кн. IX». В № 9 журнала (с. 180) напечатаны три стихотворения Львовой. Одно имеет название «Старая сказка», два других — без названий. Стихотворение с римской цифрой «III» и эпиграфом из Верлена затем с некоторыми изменениями будет опубликовано в «Старой сказке». В книге изменятся формы глаголов на безличные: прощается, забывается. Поменяется орфография и появится название стихотворения: «Berseuse» (Колыбельная песня. — *фр.*).

Журнальный вариант текста:

²⁶ Там же. Л. 20–24.

²⁷ Там же. Л. 50–51.

²⁸ Там же. Л. 58–60.

²⁹ Там же. Л. 61–61 об.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 6. Л. 8–9.

III

Vous sans espérance,
 Mourez sans souffrance!
 P. Verlaine³¹.

Все безнадежные, усните без боли!
 Где-то есть нежные просторы воли,

Счастье не здешнее, солнце не жгучее...
 Духи безгрешные любят, не мучая.

Сладкою ласкою забвение веет,
 Вечною сказкою мгновение реет.

Тихо прощаю я — всем ненавидящим,
 Все забываю я сердцем не видящим.

Дали безбрежные бесстрастья и воли...
 Все безнадежные, усните без боли!

Н. Львова³².

Комментируя это стихотворение, напечатанное в «Русской мысли», при сопоставлении его с вариантом из книги Львовой, Т.С. Карпачева сообщила: «более известным в литературных кругах стало третье стихотворение цикла: “Все безнадежные, усните без боли!”», — этими же словами ее будут провожать на кладбище: они будут написаны на одном из венков, возложенных на гроб поэтессы» [7, с. 148–149]. Если это действительно было так, то о стихотворении Верлена, о влиянии Верлена на творчество Львовой при посредничестве Брюсова, о брюсовском изучении французского классика стоило бы написать особо. Вместо литературоведческого экскурса на эту тему из книги Карпачевой удастся узнать буквально следующее: «Верленом в начале XX в. очень увлекались в литературных кругах, особенно символисты. Можно сказать, что Брюсов ввел “моду на Верлена”» [7, с. 103–104]. Далее читатель озадачен другим пассажем, связанным с переводом названия стихотворения поэтессы: «Кто выдумал это название и предложил автору, неясно, в рукописи его нет. Это слово есть в самом стихотворении Верлена, откуда взято

³¹ Вы, безнадежные, умрите без страданий / боли! П. Верлен. — *фр.*

³² НИОР РГБ. Ф. 386. К. 93. Ед. хр. 6. Л.32.

эпиграф: “*Berceuse de râles*” (колыбельная для птичек-пастушков)³³. Но стихотворение Львовой нельзя назвать ни переводом, ни даже вольным переложением Верлена. У Верлена тематика стихотворения и образный строй совершенно иные» [7, с. 105]. Какие «иные» имеются в виду, автор не объясняет.

Если Львова по рекомендации Брюсова изучала творчество французского поэта, то она читала литературу по этой теме. Вряд ли она видела книгу Верлена, вышедшую в Париже с иллюстрациями Мориса Дени³⁴. Могла не знать и о русском издании Верлена «Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. Биография и характеристика творчества. Учебное пособие по иностранной литературе» (СПб.: Издание Акц. общ. типогр. дела в СПб., 1911. XVIII, 19–82 с.). Также могла не увидеть в «Женском деле» первый перевод стихотворения «*La mer est plus belle*», выполненный Брюсовым и опубликованный 15 февраля 1911 г. Однако вряд ли она не знала о многочисленных переводах Верлена, которые появлялись в это время в России. Над ними работали Ф. Сологуб, Д. Раггауз, Н. Нович, И. Тхоржевский, С. Рафалович, О. Чюмина, Эллис, Н. Минский, И. Анненский, В. Мазуркевич, П. Петровский и многие другие авторы. Львова не могла также пройти мимо брюсовского издания³⁵, позже названного С.И. Гиндиным «фундаментальным»³⁶.

³³ *Berceuse de râles* — Колыбель хрипов. — *фр.* *Râle m* — вид птицы, поэтому автоматические переводчики в Интернет-поисковиках выдали значение, представленное Т.С. Карпачевой. Однако речь идет о другом: о хрипах морской стихии у Верлена в его стихотворении «*La mer est plus belle*» (1877) из книги «*Sagesse*». «*Action de râler. Bruit qu'on fait en râlant. Le râle de l'agonie. Certains bruits anormaux que l'on perçoit, à l'auscultation, dans les voies respiratoires*» (Хрип. Шум, который издают при хрипе. Хрипы агонии. Некоторые аномальные шумы в дыхательных путях, которые распознаются во время аускультации. — *фр.*) // *Dictionnaire Trésor de la langue française*. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/academie8/r/C3%A2le> (дата обращения: 30.10.2021). — Сообщено Н. Токаревой.

³⁴ *Verlaine Paul. Sagesse. Images en couleurs de Maurice Denis, gravées sur bois par Beltrand. Paris, Ambroise Vollard, Éditeur. 1911.* URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3271268/f105.item> (дата обращения: 04.11.2021).

³⁵ *Верлен Поль.* Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова: С крит.-биогр. очерком, библиогр. и 6 портр. Москва: Скорпион, 1911. 68, 201 с.

³⁶ В комментариях к своду брюсовских переводов С.И. Гиндин пишет: «В молодости Брюсов видел в Верлене создателя символизма, в зрелые годы характеризовал его как первого во всемирной литературе поэта-импрессиониста» (Брюсов В.Я. Из стихов Поля Верлена // *Русская мысль*. 1911. № 2. Отдел I. С. 157). В Т. XXI <Брюсов В.Я. Полн. собр. соч.: в 25 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. XXI. Французские лирики XXI века. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. 296 с.> читаем: «Среди всех французских поэтов XIX века Верлен — наиболее лирик. Поражающие своей откровенностью, его стихотворные признания — драгоценнейшие жемчужины поэзии. Вместе с тем Верлен — самый значительный из религиозных поэтов нового времени. Брюсов перевел стихи Верлена (некоторые многократно) два

Брюсов, советуя ученикам переводить Верлена, решал определенные задачи. Расставляя «вехи», прокладывая «тропинки», он надеялся, что позже «тропинки» станут торными «дорогами» в истории литературы, и Львову он мог видеть надежным и вдумчивым помощником в этом деле. Действительно, после Брюсова в России Верлена основательно переводили и изучали, что подтверждают издания конца XX в. и двухтомник 2014 г. [4].

В предисловии от переводчика к изданию Верлена 1911 г. Брюсов писал: «Я поставил себе целью представить читателям Верлена, по возможности, во всех его характерных произведениях». Брюсов отметил, что его позиция — дать Верлена наиболее полно по образцам из разных сборников. Этим его подход отличался от вкусовых пристрастий других переводчиков, например, Ф. Сологуба, отказавшегося переводить так называемые «католические» стихи, т. е. стихи из сборника «Sagesse».

О самом сборнике, название которого Брюсов перевел как «Мудрость», поэт писал в комментариях, с большой скромностью отзываясь о себе как переводчике: «"Sagesse" — самая замечательная, самая оригинальная, самая самостоятельная из книг Верлена. <...> "Sagesse" создает как бы новый, во всяком случае основательно, в течение веков, забытый, род литературы: с него воскресает к истинному художественному бытию религиозная поэзия, бывшая в параличе с эпохи Возрождения. Книга разделена на три части. Первая содержит те стихи, в которых новые убеждения поэта выразились полно и определенно. Вторая — четыре гимна, непосредственно обращенных к Богу-Отцу, к Христу-Спасителю, к Богоматери. Среди этих гимнов есть замечательный мистический диалог, в ряде совершенных сонетов, между Богом и грешником: к сожалению, я не сумел (и отчасти не посмел) передать его на русском языке. Третья часть книги содержит стихи, написанные, по-видимому, до полного обращения, в которых новые настроения еще перемешаны со старыми. Всего в книге 48 стихотворений (считая мистический диалог за одно); из них переведено мною 18. Посвящение "Памяти моей матери" появилось лишь во втором издании (1888)»³⁷.

Структура книги продумана Брюсовым так, чтобы читатель смог получить максимально полное представление об этапах творчества французского поэта. Книга открывается двумя вступительными

десятилетия — с 1892 по 1911» [6, с. 832]. С.И. Гиндин отмечает, что после 1911 г. «отношение Брюсова к Верлену становится более умеренным» [6, с. 832].

³⁷ Верлен Поль. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 167–168.

статьями: предисловием «От переводчика» и «Критико-биографическим очерком», далее идут переводы стихотворений, наиболее характерных, по мнению Брюсова, для Верлена: от сборника «Сатурнические поэмы» (Poèmes saturniens) до сборника «Плоть» (Chair). Затем напечатаны в последовательности примечания, библиография, рисунки, в конце — каталог изданий «Скорпиона». Брюсов пишет об иконографии Верлена, дает библиографический перечень к материалам биографии поэта, называет имена композиторов, написавших музыку к его произведениям — таким образом, книга представляет собой ценное для того времени издание, не утратившее значимости по сей день.

XV стихотворение из третьей части «Мудрости» «La mer est plus belle» с названием «Прекраснее море...» в переводе Брюсова находится в книге на с. 87–88:

Прекраснее море,
Чем наши соборы,
На вольном просторе
Немолчные хоры,
Могучей стихии —
Гимн Деве Марии!

То яростный гром,
То нежный напев,
Сливаются в нем —
Прощенье и гнев.
В безмерности вод
Ни дум, ни забот.

О! Ты терпеливо
И в буре мятежной!
Поешь ты призывы
Так вкрадчиво-нежно:
«Кто чужд упований,
Умри без страданий!»

Средь песен земных
Нет песни милей
Стальных, голубых,
Зеленых зыбей.
Твое торжество —
Превыше всего!

Текст подлинника Брюсов мог впервые прочитать в книге Поля Верлена «Confessions» (Paris: Publications du «Fin de siècle», 1895, p. 119–120), хранящейся в его библиотеке в коллекции Литературного музея. Этот текст остается неизменным во французских изданиях Верлена уже более сотни лет, в том числе, в фундаментальном собрании сочинений³⁸, куда включен и сборник «Sagesse». Заслуживает внимания и более современное издание, подготовленное профессором Оливье Бивором [21]³⁹.

В истории новейшей русской литературы стоит отметить переводы отдельных стихотворений из «Мудрости» в книге «Романсы без слов», изданной в Малой серии «Библиотеки мировой литературы» (СПб.: Терция; Кристалл, 1999. 445 с.). Название «La mer est plus belle» переведено А. Гелескулом как «Прекрасней и глуше...». В фундаментальном российском издании Верлена в серии «Литературные памятники» имя Брюсова упоминается неоднократно. Название «Sagesse» звучит как «Смиренномудрие», перевод сборника

³⁸ По мнению страсбургского исследователя О.А. Блиновой, самым солидным и по сей день остается «Полное собрание стихов» Верлена в книжной серии «Библиотека Пляяды», выпущенное издательством «Галлимар»: *Œuvres poétiques complètes, texte établi et annoté par Y.-G. Le Dantec, Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1938; complété et présenté par Jacques Borel, 1962. 1600 p.*

³⁹ См. аннотацию издания О. Бивора: Gandt de M. Olivier Bivort, édition de Sagesse de Verlaine. 2006. 152 p. URL: https://www.fabula.org/actualites/olivier-bivort-edition-de-sagesse-de-verlaine_14838.php (дата обращения: 20.10.2021).

В журнале «Revue d'histoire littéraire de la France» (2011/1 (Vol. 111), p. 229–252) вышла рецензия на книгу, подготовленную Бивором. Стоит обратить внимание на некоторые из достоинств издания [21], замеченные в этой рецензии исследователем из Сорбонны Наталией Токаревой. См. в ее переводе: «Первое преимущество данного издания — его оригинальный макет: текст Верлена печатается на нечетных страницах, в то время как как критический аппарат занимает четные страницы, что упрощает восприятие стихотворений благодаря возможности чтения заметок. Данное издание также предоставляет совокупность всех вариантов сборника “Мудрость”, известных на сегодняшний день: оно учитывает бумаги, найденные в семье Моте во время продажи в 2004 году, в том числе и рукопись “Мудрости”, приобретенную Национальной библиотекой Франции в том же году. <...> Представленный текст — это текст оригинального издания 1881 года, а не текст издания 1889 года, пересмотренного и исправленного Верленом и используемого большинством современных издателей. О. Бивор ищет предвещающие детали к созданию сборника в предшествующих произведениях Верлена. <...>. Благодаря тщательному анализу используемой Верленом лексики, данное издание проливает свет на смысл многих сложных стихотворений. Отмеченное как оригинальность Верлена, использование в рифмах длинных наречий образа действия, скорее всего, является наследием Парнаса: Леконт де Лиль прибегает к ним десятки раз в “Варварских стихотворениях”, в особенности в последнем стихе “Берника”, выражающем религиозное умиротворение, присущее этому природному раю. Наконец, данное издание предлагает невероятно интересный обзор, показывающий восприятие “Мудрости” в XIX веке: здесь раскрывается точка зрения Малларме, де Леметра, де Блуа, а также самого Верлена». URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-litteraire-de-la-france-2011-1-page-229.htm> (дата обращения: 18.10.2021).

полностью выполнен А. Ревичем и помещен в первом томе [4, т. 1, с. 128–199], варианты переводов из «Sagesse» авторов разных лет — во втором томе, где «La mer est plus belle» открывается стихотворением Брюсова «Прекраснее море...», продолжается «Полнозвучней море...» Ю. Корнеева, «Прекрасней и глуше...» А. Гелескула, «Ах, море, ты даже...» Е. Баевской [4, т. 2, с. 258–362].

Построчный перевод стихотворения «La mer est plus belle» со ссылками на отдельные комментарии из издания О. Бивора [21, р. 222–223] выглядит так (перевод с фр. Н. Токаревой):

La mer est plus belle	Море прекраснее ⁴⁰
Que les cathédrales,	Соборов,
Nourrice fidèle,	Верная кормилица,
Berceuse de râles,	Колыбель хрипов
La mer sur qui prie	Море, над которым молится
La Vierge Marie!	Дева Мария!
Elle a tous les dons	У него все дары
Terribles et doux.	Ужасные и нежные.
J'entends ses pardons	Я слышу его прощение
Gronder ses courroux ⁴¹ .	Когда оно грохочет своим праведным гневом
Cette immensité	Эта необъятность
N'a rien d'entêté ⁴² .	Не имеет земной привязанности.
Oh! si patiente,	О! так спокойно,
Même quand méchante!	Даже когда сердито!
Un souffle ami hante	Дружественное дыхание посещает
La vague, et nous chante:	Волну и поет нам:
«Vous sans espérance,	«Вы, без надежды,

⁴⁰ Название стихотворения Верлена связано с тем, что в сентябре 1876 г. поэт обосновался в английском Борнмуте, откуда открывались морские пейзажи. Стихотворение носило также название «Море Борнмута» [21, р. 222].

⁴¹ Courroux — Action de se courroucer, irritation véhémement et noble. Courroux du ciel (Становиться разгневанным, проявлять пылкое и благородное раздражение. Праведный гнев. — *фр.*). Dictionnaire Trésor de la langue française. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/courroux> (дата обращения: 30.10.2021).

⁴² D'entêté — Qui manifeste un intérêt passionné pour quelqu'un ou pour quelque chose. Qui manifeste un attachement borné et opiniâtre pour quelque chose (Тот, кто проявляет страстный интерес к кому-то, чему-то. Тот, кто проявляет недалекую и упрямую привязанность к чему-то. — *фр.*). Dictionnaire Trésor de la langue française. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/ent%C3%AAt%C3%A9> (дата обращения: 30.10.2021).

Mourez sans souffrance!» ⁴³	Умрите без мучений!»
Et puis sous les cieux Qui s'y rient plus clairs,	А затем под небесами, Которые возрадовались, став ярче и яснее,
Elle a des airs bleus, Roses, gris et verts... Plus belle que tous, Meilleure que nous!	Его воздух стал синим, Розовым, серым и зеленым... Прекраснее всего, Лучше, чем мы!

Брюсов и Львова упомянули строки из этого стихотворения в разных поэтических контекстах. Брюсов, осмысляя образ Богородицы, покровительницы моряков, *Stella maris*, — впервые в сборнике «*Tertia vigilia*» с эпиграфом «*La mer sur qui prie / La Vierge Marie. P. Verlaine*» к стихотворению «Звезда морей»⁴⁴, по-своему развивая образ из мировой литературы. Он послал первый вариант перевода, датированный 30 августа 1897 г., своей невесте Иоанне Рунт во время поездки в Малороссию для прощания с умирающей Е.И. Павловской⁴⁵. Львова использовала стихи Верлена в качестве эпиграфа к стихотворению для выражения чувств, далеких от темы и настроения поэта, описавшего мощную морскую стихию. Таким образом, строки «*Vous sans espérance, / Mourez sans souffrance!*»⁴⁶ у Львовой не относились к теме моря и гимну Богородицы, покровительницы моряков, не имели ничего общего с образом *Stella maris* раннего Брюсова, но стали очень личными в заключительном стихотворении

⁴³ Брюсов и Львова использовали в разные годы строки «*La mer sur qui prie / La Vierge Marie!*» из первой строфы и «*Vous sans espérance*» из третьей. О. Бивор, комментируя строки из стихотворения, сообщает: Верлен, вероятно, ссылается на «*Chanson de la plus haute tour*» (Песнь с самой высокой башни) и на «*L'éternité*» (Вечность) Артюра Рембо. Стихи метрически совпадают со строками Рембо: «*Est-ce que l'on prie / La Vierge Marie?*» («Молимся ли мы / Деве Марии?» «Если иметь в виду подразумеваемый диалог Верлена с Рембо, или другой вариант перевода:» «Молятся ли Деве Марии?» — *фр.*) и строками, с трудом переводимыми на русский язык вне текста стихотворения Рембо: «*Là pas d'espérance, / Nul orietur. / Science avec patience, / Le supplice est sûr*» («Здесь нет надежды, / Никакого восхода. / Наука с терпением, / Несомненна боль». — *фр.*). (См. комментарии 4 и 7) [21, р. 222]. Интересно сопоставить комментарии О. Бивора с комментариями И.Б. Булатовского в первом томе Верлена (СПб., 2014), в которых даются отсылки не только к А. Рембо, но и к стихотворению А. Теннисона «Морские сны» («*Sea-dreams*»), которое Верлен читал в Стикни. Подробнее об этом: [4, т. 1, с. 191–192].

⁴⁴ Текст стихотворения и комментарии к нему см.: [1, с. 216, 601].

⁴⁵ Подробнее об этом: [15, с. 17–20].

⁴⁶ Ср. переводы Ю. Корнеева: «Без мученья / Да смежите вежды, / Если нет надежды»; А. Гелескула: «Все те, что страдали, — / Умрут без печали»; Е. Баевской: «Надежда лишь манит, / А смерть не обманет!» [4, с. 352–355].

цикла «Над вечным покоем», предварявшим цикл «Непонятные страны» (именно туда отправляется лирическая героиня).

В сентябре 1913 г. вышла «Старая сказка» Львовой (М.: Альциона, 1913). Книга пронизана мотивами ожидания счастья и невозможности этого счастья: «Напрасно я весны моей ждала» (с. 22)⁴⁷, «счастье — не для нас» (с. 38), «Счастье — не здешнее» (с. 26), «О, грустное счастье! / ...Мне больно, Мне больно!» (с. 39); усталости: «Весенней радостью дышу устало» (с. 23), «Я странно устала» (с. 81); одиночества: «И ты — одна!» (с. 59), «Я плачу одна над стихами Верлена» (с. 64); скорой смерти: «Все дышит предсмертным, томящим молчаньем / Над вечным покоем» (с. 21), «Смерть за мою стоит головой» (с. 83).

По эпиграфам из Гейне, Брюсова, Бальмонта, Пушкина, Верлена, Данте, которые Львова дала к своим стихам, можно сделать вывод, что она много читала, приобщаясь к мировой культуре. Например, образами из «Божественной комедии» навеяно одно из стихотворений: «И Данте»⁴⁸. Тем не менее, вся книга — еще очень слабая, ученическая. Если бы поэтесса прожила дольше, возможно, она, как в случае Николая Гумилева, вела бы отсчет поэтических книг не от своего первого сборника. Испытав любовный крах во взаимоотношениях с женатым мужчиной⁴⁹, поняв, что поэт никогда не будет с ней, девушка болезненно отнеслась и к неудаче своего поэтического дебюта. В последних письмах к Брюсову нет никаких слов о литературе. Львова чудовищно терзается сама и изматывает письмами возлюбленного. В издательском предисловии к посмертному, второму изданию книги «Старая сказка» (М.: Альциона, 1914), помещенном вместо предисловия Брюсова к первому изданию, о Львовой, в частности, замечено: «<...> талант жить был в ней выше и замечательнее таланта литературного».

В обзорной статье «Год русской поэзии» (Русская мысль. 1914. № 5–7), посвященной стихотворной продукции с апреля 1913 по апрель 1914 г., рассматривая в разделе «Продолжатели» сборник Ахматовой «Четки», стихи Марии Моравской и Веры Инбер, Брюсов

⁴⁷ Указываем страницы по первому изданию «Старой сказки» (1913); URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003805593/ (дата обращения: 14.05.2022); см. примеч. 9.

⁴⁸ Рассуждая о Беатриче, Т.С. Карпачева цитирует перевод М. Лозинского [7, с. 148–149], который Львова читать не могла. Издания «Божественной комедии» в переводах Н. Голованова и Д. Мина 1899 и 1909 гг. сохранились в библиотеке Брюсова, не исключено, что он мог давать эти книги поэтессе.

⁴⁹ Лирическая героиня Львовой осознала себя виновницей разлада, связанного в народной поэзии с образом листа повилыки: «Ах, я повилыки веточка гибкая / В миг увядания!» («Старая сказка», 1913, с. 77).

заклучил: «Новое, посмертное издание, дополненное несколькими стихотворениями, еще раз показывает нам, какие надежды мы утратили в лице г-жи Львовой»⁵⁰. Стоит обратить внимание на употребление поэтом слова «надежды». С одной стороны, это — отсылка посвященного читателя к имени Львовой, с другой — к общему смыслу: надежды, в том числе возложенные на учеников, иногда не оправдываются, а упования не всегда сбываются.

Приложение

В.К. Чакилев

In dubio pro reo⁵¹

Не возьмусь судить о моральной ответственности Брюсова за самоубийство Надежды Львовой, равно как и высказываться по психиатрическим аспектам суицидального поведения, но позволю себе несколько замечаний о юридической ответственности поэта за смерть девушки, безоговорочно возлагаемую на него Т.С. Карпачевой в ее книге «“Мой недопетый гимн весне...”»: жизнь и творчество Надежды Львовой» (М.: Водолей, 2021) [7].

1. Принцип презумпции невиновности известен юристам со времен Древнего Рима. Суть его проста — человек считается невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступления не будет установлена судом.

Автор на стр. 225 указывает, что 1 декабря 1913 г. Брюсов вернулся в Москву и тогда же забрал из полиции предсмертное письмо Надежды Львовой, оставленное ему, и вряд ли даже был допрошен в полицейском участке.

Таким образом, с момента трагедии прошла неделя, но полиция не усмотрела в действиях Брюсова признаков преступления, и уголовное дело, судя по всему, даже не возбуждалось.

Соответственно, не было судебного процесса и приговора суда. На этом можно было и поставить точку, но все же хочется обратить внимание и на некоторые обстоятельства, которые вселяют существенные сомнения в юридической виновности Брюсова.

⁵⁰ Цит. по: [2, с. 447].

⁵¹ В случае сомнения — в пользу обвиняемого. — *лат.*

2. На стр. 203 автор ссылается на воспоминания Ходасевича: «С лета 1913 г. она стала очень грустна. Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне **револьвер** — подарок Брюсова. Это был тот самый **браунинг**, из которого восемь лет тому назад Нина стреляла в Андрея Белого. В конце ноября, кажется — 23 числа, вечером, Львова позвонила по телефону к Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Тогда она позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: “Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф”. Шершеневич не мог пойти — у него были гости. Часов в 11 она звонила ко мне — меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась. Об этом мне сообщили под утро» [7, с. 203–204].

Свидетель, что называется, «путается в показаниях».

Объясню, в чем дело: револьвер⁵² (от англ. revolve «вращать») — многозарядное короткоствольное стрелковое оружие с вращающимся барабаном, выполняющим функцию магазина. Барабан имеет несколько камер, в которых располагаются боеприпасы. В момент выстрела очередная камера служит патронником.

Т. е., говоря об оружии «револьвер», подразумевают совершенно конкретный тип короткоствольного оружия. Выглядит оно так:

Рис. № 444.

Револьвера „Вулдогъ“ бездвигательной работы, съ особыми приспособлениями для автоматического выстрѣла, изготовленные из нержавеющей стали, ружья орнаментов дерева.

Кал. 320, 6-створчатый, въсѣ 72 мм. Цѣна . . . 8 р. 50 к.
Кал. 320, 6-створчатый, въсѣ 102 мм. Цѣна . . . 6 р. — к.
Кал. 318, 5-створчатый, въсѣ 130 мм. Цѣна . . . 6 р. 50 к.

Рис. № 430.

Цѣна **12** руб.

Револьверъ „Вулдогъ“ подл. патрону „Бруннинга“, 5-створчатый, работы Шваба. Вращатель, ружья черныя, шарики латунныя. Удобное включеніе патронныхъ поросковъ дѣлаетъ выстрѣлы очень быстрыми. Быстрая разборка. Удобенъ устройствомъ стрельбы въ оцѣдъ движенья оружія при выстрѣлѣ. Кал. 320. Въсѣ 78 мм. Цѣна 6 руб.

Патроны на сто штукъ 6 руб.

Револьверъ „Кобольдъ“, со сложной конструкціей, съ удобными ручками. Курокъ двойной дѣйствія, съ особыми приспособленіями для выстрѣла въ темнотѣ. Прочная конструкция, двойной бой. Неповторимая прочность. Рисунки № 418.

Калібръ 320—Цѣна 8 руб.
„ 380— „ 9 „

Рис. № 418.

Тяжелые, безъ хвостовика, малоотраченные.

Калібръ 320—8 руб.
„ 380—7 „

⁵² См.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Револьвер> (дата обращения: 07.11.2021).

Браунинг же — общее обиходное название различных пистолетов конструкции Джона Мозеса Браунинга. При этом пистолеты системы Браунинга никогда не были пистолетами револьверной системы, поскольку имели принципиально иное устройство — магазин с патронами (обойма) вставлялся в рукоятку пистолета.

Открытые информационные источники сообщают:

В конце XIX в. Джон Мозес Браунинг разработал и запатентовал практически все схемы работы автоматики, которые до настоящего времени лежат в основе большинства самозарядных пистолетов:

- с использованием отдачи ствола при коротком его ходе и запирающим затвора перекосом либо поворотом ствола;
- с использованием отдачи свободного затвора;
- с использованием отвода пороховых газов.

Выглядят пистолеты системы Браунинга так⁵³:

Торговый Дом Я. Зимина вдова и С. Никифоровъ, Москва, Тверская.

НОВОСТЬ.

7-мизарядный пистолетъ-самозарядный, дѣйствующій отдачею, „БРАУНИНГЪ“:

Извѣстный пистолетъ „Браунингъ“ вышло изъ дѣйствительной эпохи рода оружія такой же перемены, какой въ свое время былъ произведенъ революціонный въ артил. Артиллерійскій вѣкъ вытѣсняется и скорострѣльностью оружія.

Этотъ пистолетъ „Браунингъ“, по силѣ изъ быстроты послѣдствій, феноменальный: на разстояніи 30 метровъ путь пробѣгаетъ въ 4 секунды, обыкновенно въ 12 м. секундъ, и на разстояніи 200 метровъ слабо пролетываетъ 3 секунды такой же силой тяжести.

Простота конструкции и максимумъ добротности, прочность, малый весъ, удобство въ водѣ-болотѣ, малый его бой, крайняя же обиліе его водѣ-болотѣ, простоты конструкции и безвредное удобство носить его въ карманѣ, благодаря совершенной малой фигурѣ пистолета, отличаетъ „Браунингъ“ выдѣляющее много оружія самозаряднаго имѣть системы.

Министерствомъ и военными чиновниками „Браунингъ“ признанъ изъ убѣжденія, что извѣщенный пистолетъ является, въ браунинговъ смыслѣ, орудіемъ, малыхъ побѣдъ оружія.

Этотъ же пистолетъ отличается „Браунингъ“ заключеніемъ въ себя въ отсутствіи отдачи и совершенно съ нимъ не имѣетъ никакихъ особенностей, никакой не имѣетъ перемены оружія, чѣмъ достигается максимумъ быстроты и легкости выстрѣла „Браунингъ“ съблизитъ употребленіемъ при оруженствѣ и увеличеніемъ его скорости (переносъ или вѣсъ), чѣмъ устраняется всякая возможность неслучайнаго выстрѣла и, следовательно, гарантируется возможность безопасности оруженствъ „Браунингъ“. Длина пистолета 21, вершковъ. Высота 2 1/2, вершковъ. Вѣсъ 1 1/2 фунта.

Цена 18 руб. 30 коп.

Запасный магазинъ 1 руб.

Патроны, снаряженные боевыми патронами и пулями, выстрѣлъ оболочкой изъ твердаго металла—100 штукъ 1 руб. Колбура выстрѣльной системы—1 руб. 75 коп., выстрѣльной системы—1 руб. 50 коп. Углекислотный—1 руб.

Приборы выстрѣла: стволы и шомолы.

— 12 —

Возникает закономерный вопрос: мог ли Ходасевич не знать о том, как правильно называется то оружие, из которого застрели-

⁵³ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Браунинг_\(пистолет\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Браунинг_(пистолет)) (дата обращения: 07.11.2021).

лась Надежда Львова, которое было якобы подарено ей Брюсовым и из которого, в свое время, 8 лет назад, Петровская стреляла в Белого?

Маловероятно. Во-первых, как это ни удивительно звучит, в те беспокойные годы короткоствольное оружие можно было приобрести сравнительно свободно и за относительно небольшие деньги, в том числе и женщине, для самообороны. Посмотрите на цены на рекламных проспектах — они колеблются от 8 до 12 рублей. Примерно столько стоило в то время пальто. Т. е. пистолеты были широко вовлечены в гражданский оборот и являлись чуть ли не обычным предметом быта, особенно в среде интеллигенции и дворян.

Во-вторых, Ходасевич год отучился на юридическом факультете Московского университета и был образованным человеком. Представляется, что ему было вполне по силам отличить и правильно назвать тип оружия хотя бы в силу названия, однако он этого не делает.

Следует обратить внимание, что путаница с названием оружия у него происходит и при описании покушения Петровской на Андрея Белого.

По свидетельству Ходасевича: «Весной 1905 г. в Малой аудитории Политехнического музея Белый читал лекцию. В антракте Нина Петровская подошла к нему и выстрелила из браунинга в упор. Револьвер дал осечку: его тут же выхватили из ее рук». Однако же, Брюсов в письме Зинаиде Гиппиус описывает события 14 апреля 1907 г.:

На лекции Бориса Николаевича подошла ко мне одна дама (имени ее не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, поставила мне к груди и спустила курок. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить [13, с. 694].

Вот версия Белого, которую приводит И. Одоевцева — с его слов: «Она действительно навела на меня револьвер, прицелилась в меня. А я не шелохнулся. Я стоял перед ней на эстраде, раскинув руки и ждал. Ждал смерти. Но она не выстрелила в меня. Она перевела револьвер на Брюсова. А он, как барс, — и откуда в нем такая ловкость, в нем, неповоротливым и хилом? — прыгнул с эстрады и выхватил у нее из руки револьвер. Она все же успела выстрелить, но пуля попала в потолок. Никто не был убит. Никто даже ранен не был. Но бедная Нина — она в письмах всегда подписывалась “бедная

Нина” — погибла от этого выстрела в потолок. Она больше не оправилась. Ее жизнь кончилась в ту ночь»⁵⁴.

Все вызывает вопросы: револьвер или браунинг? Тот ли самый, из которого покушалась Петровская? Дарил ли его Брюсов Львовой? А если дарил — то когда и с какой целью? Можно ли Ходасевича считать беспристрастным и точным свидетелем этого дарения?

Насчет последнего замечания — представляется, что беспристрастным Ходасевича назвать трудно. Во всяком случае, после прочтения его воспоминаний о Брюсове (как и о Белом) остается другое впечатление.

И несколько слов об уголовном законе.

Автор совершенно права, в том, что на момент совершения самоубийства Уголовное уложение 1903 г. в части ст. 462 (доставление средств к самоубийству) и 463 (подговор к самоубийству) не вступили в силу:

462. Виновный в доставлении средства к самоубийству, если вследствие сего самоубийство последовало, наказывается:

заклчением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в крепости на срок не выше трех лет.

463. Виновный в подговоре к самоубийству лица, не достигшего двадцати одного года, или лица, заведомо неспособного понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками, или в содействии самоубийству таких лиц советом или указанием, доставлением средства или устранением препятствия, если вследствие сего самоубийство или покушение на оное последовали, наказывается:

каторгою на срок не свыше восьми лет⁵⁵.

Отдельно отмечу, что ответственность по не вступившей в силу ст. 463 наступала применительно к недееспособным лицам или лицам, не достигшим 21 года (о чем автор умолчала). Надежде Львовой на момент самоубийства было полных 22 года и 4 месяца, а с Брюсовым она познакомилась весной 1911 г., т. е. незадолго до своего 20-летия. Бурное развитие романа началось у них осенью 1912 г., с приездом Львовой в Москву, т. е. в возрасте 21 года.

⁵⁴ *Одоевцева И.* На берегах Невы: Литературные мемуары / вступ. ст. К. Кедрова, послесл. А. Сабова. М.: Худож. лит., 1988. С. 224.

⁵⁵ Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. С. 148. URL: <https://library6.com/8569/item/553030> (дата обращения: 07.11.2021).

Есть ли доказательства тому, что ранее осени 1912 Брюсов начал приучать ее к мысли о смерти, о самоубийстве? И можно ли разговоры и переписку о бренности считать подговором к самоубийству?

Применимым законом на тот период следует считать ст. 1475 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции от 1885 г.

Стоит обратить внимание на следующее — ответственность и за доставление средств к самоубийству и за подстрекание («подговор» в Уголовном уложении 1903 г.) к самоубийству наступала по указанной статье только при «обдуманном намерении или умысле» — как и при соучастии в убийстве.

Что же представляет собой умысел?

Умышленная форма вины предполагает осознание виновным сущности совершаемого деяния, предвидение его последствий и наличие воли, направленной к его совершению.

В свою очередь, умышленная форма вины подразделяется на два вида: прямой и косвенный умысел.

При прямом умысле лицо осознает общественную опасность своих действий или бездействия, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент) и желает их наступления (волевой момент).

Безотносительно к тому, что ответ на вопрос о наличии в действиях Брюсова умысла мог дать только суд, попытаемся ответить на этот вопрос самостоятельно.

Предвидел ли Брюсов возможность трагедии в результате своих действий, если исходить из позиции автора? Возможно, но уверенности в этом нет.

Желал ли Брюсов наступления трагических последствий? Возможно, но уверенности в этом нет.

Автор книги «Мой недопетый гимн весне...» не учла два правила:

1. Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить. (Матфея 7:1–2).

2. Мертвые сраму не имут (и сдачи дать не могут).

Представляется совершенно недопустимым спустя более века, основываясь на предположениях и сомнительных свидетельствах пристрастных свидетелей, пытаться возложить юридическую ответственность на любого человека. Попробуйте примерить это на себя, своих предков или своих потомков, и все станет ясным.

Литература

1. Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. М.: Худож. лит., 1973. 1973. Т. 1. 672 с.
2. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии / сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
3. Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка: 1904–1913 / вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 776 с.
4. Верлен Поль. Стихотворения: в 2 т. / отв. ред. В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2014.
5. Гиппиус З.Н. Одержимый // Гиппиус З.Н. Собр. соч. в 15 т. / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. 2-е изд., испр. М.: Дмитрий Сечин, 2014. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 44–71.
6. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. Сборник. На разных языках с параллельным русским текстом / сост. С.И. Гиндин. М.: Радуга, 1994. 896 с.
7. Карпачева Т.С. «Мой недопетый гимн весне...»: жизнь и творчество Надежды Львовой / Львова Н.Г. Письма В.Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка: Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с.
8. Коростелев О.А. Неакадемичный академик // Александр Васильевич Лавров / сост. Т.В. Павлова, Н.А. Савина, Г.Н. Тихомирова. М.: Наука, 2021. С. 5–13.
9. Корчагин А. Из воспоминаний о Брюсове // Брюсовские чтения 1971 года / ред.-сост. К.В. Айвазян. Ереван: Айастан, 1973. С. 627–633.
10. Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.
11. Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение. 2015. 768 с.
12. Литературное наследство. М.: Наука, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. 736 с.
13. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 854 с.
14. Литературное наследство. М.: Наука, 1991–1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1–2.
15. Орлова М.В. Письма Валерия Брюсова к невесте // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 8–30. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-8-30>
16. Петренко Д.И. К вопросу о метапоэтике эпистолярия: Письма К.И. Чуковского В.Я. Брюсову (1904–1924) // Брюсовские Чтения 2010 года: Сб. ст. / ред. С.Т. Золян. Ереван: Лингва, 2011. С. 132–142.
17. Петровская Н.И. Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика / сост. М.В. Михайловой; вступ. ст. М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте, при уч. Е.А. Глуховской. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 960 с.
18. Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н. Устные мемуары. М.: Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

19. Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. / подгот. текста, коммент. Е.Ц. Чуковской. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. Т. 1. 638 с.

20. Kern Liliانا. Der feurige Engel. Das Leben der Nina Petrowskaja. Nina Petrowskaja. Muse und Femme fatale der russischen Dekadenz. Berlin: Verlag Taschenbuch, 2006. 256 p.

21. Verlaine Paul. Sagesse, édition critique établie, annotée et présentée par Olivier Bivort. Paris: Le Livre de Poche, 2006. 348 p.

Research article

Valery Bryusov and his Students. The Case of Nadezhda L'vova

© 2022. Monika V. Orlova

Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the outstanding Russian poet of the late 19th–early 20th century Valery Bryusov as a teacher who influenced many of his contemporaries. The paper starts with his students at “Bryusov Institute” overview. Then the critic Korney Chukovsky’, the writer Alexei Remizov’, and the poet Nikolai Gumilyov’ attitudes to their teacher Bryusov are briefly reviewed. The article mostly focuses on the relationships between Bryusov and his female students including his wife Ioanna Bryusova, and a writer Nina Petrovskaya. The special attention is given to Bryusov’s influence on Nadezhda L’vova. The article contains a review of a recently edited book about Nadezhda L’vova by Tat'yana Karpacheva. The appendix document “In dubio pro reo” written by lawyer V.K. Chakilev refutes all the charges against Bryusov who was accused of the suicide of L’vova in the book.

Keywords: V.Ya. Bryusov, I.M. Bryusova, N.I. Petrovskaya, N.G. L’vova, Paul Verlaine, Russian literature of the early 20th century, French literature of the late 19th century, correspondences.

Information about the author: Monika V. Orlova — PhD, Leading Research Fellow, Silver Age museum (V.Ya. Briusov House), Vladimir Dahl State Museum for the History of Russian Literature, Mira ave. 30, 129090 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-8181>

E-mail: dombrusova@yandex.ru

For citation: Orlova, M.V. "Valery Bryusov and his Students. The Case of Nadezhda L’vova." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 199–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-199-229>

References

1. Briusov, V. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [*Collected Works: in 7 vols.*], vol. 1, ed. by P.G. Antokolsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 672 p. (In Russ.)
2. Briusov, V.Ia. *Sredi stikhov: 1894–1924. Manifesty, stat'i, retsenzii* [*Among the Poems: 1894–1924. Proclamations, Articles, Reviews*], ed. by N.A. Bogomolov and N.V. Kotrelev. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 720 p. (In Russ.)
3. *Valerii Briusov, Nina Petrovskaya. Perepiska: 1904–1913* [*Valery Bryusov, Nina Petrovskaya. Correspondence: 1904–1913*], ed. by N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 776 p. (In Russ.)
4. Verlen, Pol'. *Stikhotvoreniia: v 2 t.* [*Poems: in 2 vols.*], ed. by V.E. Bagno. St. Peterburg, Nauka Publ., 2014. (In Russ.)
5. Gippius, Z.N. "Oderzhimyi" ["Obsessed"]. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 6: Zhivye litsa: Vospominaniya. Stikhotvoreniya [Living Faces: Memoirs. Poems], 2-d ed., rev., ed. by T.F. Prokopov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2014, pp. 44–71. (In Russ.)
6. *Zarubezhnaia poeziia v perevodakh Valerii Briusova. Sbornik* [*Foreign Poetry Translated by Valery Bryusov. Collection*], ed. by S. Gindin. Moscow, Raduga Publ., 1994. 896 p. (In Russ.)
7. Karpacheva, T.S. "Moi nedopetyi gimn vesne...": zhizn' i tvorchestvo Nadezhdy L'vovoi" ["My Unfinished Song to Spring': Life and Work of Nadezhda L'vova]. L'vova, N.G. *Pis'ma V.Ia. Briusovu (1911–1913). Staraya skazka: Stikhotvoreniya* [*Letters to V.Ia. Bryusov (1911–1913). Old Tale: Poems*]. Moscow, Vodolei Publ., 2021. 508 p. (In Russ.)
8. Korostelev, O.A. "Neakademichnyi akademik" ["Non-academic Academician"]. *Aleksandr Vasil'evich Lavrov* [*Alexander Vasilievich Lavrov*], comp. by T.V. Pavlova, N.A. Savina, G.N. Tikhomirova. Moscow, Nauka Publ., 2021, pp. 5–13. (In Russ.)
9. Korchagin, A. "Iz vospominanii o Briusove" ["From the Memories about Bryusov"]. *Briusovskie chteniia 1971* [*Bryusov Proceedings 1971*], ed. by K.V. Aivazyan. Erevan, Aiastan Publ., 1973, pp. 627–633. (In Russ.)
10. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty: etiudiv i razyskaniia* [*Russian Symbolists: Studies and Research*]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2007. 632 p. (In Russ.)
11. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [*Symbolists and the Others: Articles, Researches, Publications*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
12. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 70: Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska [Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 736 p. (In Russ.)
13. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 854 p. (In Russ.)
14. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty: v 2 kn. [Valery Bryusov and his Correspondents: in 2 books]. Moscow, Nauka Publ., 1991–1994. (In Russ.)

15. Orlova, M.V. "Pis'ma Valeriia Briusova k neveste" ["V. Brusov's Letters to his Fiancee"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), pp. 8–30. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-8-30> (In Russ.)

16. Petrenko, D.I. "K voprosu o metapoetike epistolariia: Pis'ma K.I. Chukovskogo V.Ia. Briusovu (1904–1924)" ["To the Issue of Epistolary Metapoetics: K. Chukovsky's Letters to V. Bryusov (1904–1924)"]. *Briusovskie chteniia 2010. Sbornik Statei [Bryusov Proceedings 2010. Collection of Articles]*, ed. by S.T. Zolyan. Erevan, Lingva Publ., pp. 132–142. (In Russ.)

17. Petrovskaia, N.I. *Razbitoe zerkalo: Proza. Memuary. Kritika [A Broken Mirror: Prose, Memoirs, Critics]*, comp. by M.V. Mikhailova, introd. and comment. by M.V. Mikhailova, O. Velavichiute. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2014. 960 p. (In Russ.)

18. Timofeev, L.I., Pospelov, G.N. *Ustnye memuary [Oral Memoirs]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2003. 224 p. (In Russ.)

19. Chukovskii, K.I. *Dnevnik. 1901–1969: v 2 t. [Diary. 1901–1969: in 2 vols.]*, vol. 1, texts prep. and notes by E. Chukovskaya. Moscow, OLMA-PRESS Zvezdnyi mir Publ., 2003. 638 p. (In Russ.)

20. Kern, Liliana. *Der feurige Engel. Das Leben der Nina Petrowskaja. Nina Petrowskaja. Muse und Femme fatale der russischen Dekadenz*. Berlin, Verlag Taschenbuch, 2006. 256 p. (In German)

21. Verlaine, Paul. *Sagesse, édition critique établie, annotée et présentée par Olivier Bivort*. Paris, Le Livre de Poche, 2006. 348 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 19.12.2021

Одобрена после рецензирования: 25.03.2022

Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 19.12.2021

Approved after reviewing: 25.03.2022

Date of publication: 25.06.2022